

УДК 903.27(571.1/.5)

М.А. Байбердина (Талягина)

*Техникум информационных технологий, экономики и права  
Кемеровского института (филиала) Российского  
экономического университета им. Г.В. Плеханова, Кемерово, Россия*

## ИЗОБРАЖЕНИЯ ТЕСИНСКОГО ВРЕМЕНИ В МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЕ В КОНТЕКСТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Статья посвящена анализу наскальных изображений тесинского времени Минусинской котловины в контексте археологических материалов. В ходе работы проанализированы наиболее яркие сюжеты и отдельные персонажи, получившие широкое распространение на памятниках наскального искусства этого времени, а также в большинстве случаев имеющих перекличку с вещественными материалами тесинского периода, полученными в ходе раскопок. Эти предметы составляют цельный и своеобразный предметный комплекс, имеющий отличительные черты от собственно тагарского. В его формировании большое значение имело влияние хуннских и сяньбийских культурных традиций. Проведение аналогий между предметами, найденными в закрытых археологических комплексах, и рисунками на скалах и курганных камнях позволяет устанавливать время создания последних. К ним относятся изображения котлов; своеобразных животных с нарушенными пропорциями тел и вполне реалистичных баранов с подогнутыми под живот ногами; сложных луков; противостоящих животных (олений, единорогов, медведей); геометрических фигур и др. В результате анализа были выделены четыре стилистических группы изображений тесинского периода, создание которых, скорее всего, связано с разными группами населения, обитавшего в то время на Среднем Енисее. Изобразительный материал позволяет проследить трансформацию тагарского стиля, выявить группы рисунков, созданных под влиянием пришлого населения, а в совокупности с памятниками материальной культуры дает возможность проследить происходящие перемены не только в быту, но и в мировоззрении населения, проживавшего на стыке двух ключевых эпох.

*Ключевые слова:* Минусинская котловина, археологический материал, тесинское время, петроглифы, хунну, сяньби.

**DOI:** 10.14258/tpai(2019)3(27).-02

### *Введение*

Одной из сложнейших задач при работе с петроглифами является определение времени их создания. В вопросах хронологической атрибуции петроглифов используются такие традиционные методы, как стилистический анализ сюжетов, анализ палимпсестов, проведение аналогий между рисунками и предметными сериями, обнаруженными в закрытых комплексах, изучение техники нанесения рисунков и др. Предметы, найденные в закрытых археологических комплексах, имеют надежные датировки, по аналогии с которыми можно установить время нанесения стилистически близких рисунков на скалах и курганных камнях. О возможностях таких сопоставлений уже достаточно аргументированно высказывались Е.А. Миклашевич [2004; 2010] и другие исследователи.

Тесинский период – один из наиболее загадочных в истории Южной Сибири. К настоящему времени в науке уже накоплена определенная база знаний об этой сложной эпохе, которая продолжает пополняться [Пшеницына, 1975, с. 2–7; 1992, с. 224–235; Вадецкая, 1986, с. 77–79; Савинов, 1995, с. 22–32; 2009; Кузьмин, 1995; 2008; 2011]. Этап получил свое название по кургану, раскопанному в 1889 г. финской археологической экспедицией под руководством И.-Р. Аспелина. Он характеризуется как тагаро-таштыкский переходный этап в работах Л.Р. Кызласова [1960] и М.Н. Пше-

нищной [1975, 1992]. Часть исследователей определяют его как «последний этап тагарской культуры» [Теплоухов, 1929; Киселев, 1949; Грязнов, 1968]. Другие соотносят его с таштыкской культурой [Членова, 1964], а Н.Ю. Кузьминым [2008] даже была выделена самостоятельная тесинская культура.

Многие исследователи связывают происхождение тесинской культуры с влиянием хунну, которое распространилось на территорию Южной Сибири, когда она входила в состав государства Хунну (II в. до н.э. – I в. н.э.) [Савинов, 1995, с. 28]. Н.Ю. Кузьмин отмечает, что в 203–201 гг. до н.э. хунну совершили нашествие на север и северо-запад Монголии и примыкающие к ней регионы Южной Сибири и Восточного Притяньшанья. Они разгромили «тагарцев» на Енисее и «пазырыкцев» на Алтае и распространили свою власть на Алтае-Саянское нагорье. Под их влиянием оказались степи Южной Сибири и Средняя Азия. Таким образом, эти события изменили течение и характер этнокультурного развития кочевников и полукочевников, занимавших данную территорию в скифо-сакское время [Кузьмин, 2008, с. 187]. А Д.Г. Савинов [2009, с. 102] полагает, что эта территория была одной из провинций государства Хунну, и называет ее «минусинской провинцией».

Сегодня наука уже располагает относительно многочисленными и разнообразными источниками по тесинскому времени – это материалы раскопок [Вадецкая, 1986, с. 176–179; Пшеницына, 1972, с. 246–247; 1979, с. 70–89, и др.], клады [Бородовский, Ларичев, 2011; Нащёкин, 1967, и др.], наскальные изображения. Среди них особенно многочисленны петроглифы, долгое время атрибутировавшиеся с большим трудом: первоначально исследователи, как правило, интуитивно определяли, что есть рисунки «уже не тагарские, но еще и не таштыкские», и только по мере накопления источниковой базы становилось все более очевидным, что это совершенно особый пласт изображений, имеющих свои характерные черты и отражающих сложные исторические процессы, происходившие в Минусинской котловине на рубеже эр. После находок Д.Г. Савиновым [1995] серии плит с рисунками в закрытых комплексах стало возможным обоснованно атрибутировать целую серию изображений тесинского времени, что дало основание для датировки подобных рисунков на скалах [Русакова, 1997, с. 102; Советова, 2005, с. 15] и камнях тагарских курганов [Савинов, 1995, с. 28]. Неоценимую роль в обосновании времени создания петроглифов оказывает также анализ предметных серий, имеющих «переключку» с наскальными изображениями, что тоже способствует атрибуции последних.

Материалы тесинского периода составляют цельный и своеобразный предметный комплекс, который имеет отличительные черты от собственно тагарского. В комплексе предметов сопроводительного инвентаря вещи в основном железные, не характерные для тагарской культуры (пряжки, наконечники стрел). Бронзовые предметы представляют собой уже не тагарские формы и имеют непосредственные аналогии в хуннских погребениях Монголии и Забайкалья [Савинов, 2004, с. 125]. Сопроводительный инвентарь включает в себя керамику, роговые, костяные и металлические изделия, такие как застёжки, кольца, пряжки, пуговицы, нашивные бляшки и др.

### ***Результаты исследования и их обсуждение***

Среди археологических материалов выделяются целые серии разнообразных находок, которые возможно сопоставить с наскальными изображениями.

Сопоставление петроглифов, изобразительных материалов из закрытых комплексов и археологических материалов тесинского времени

Изображения тесинского времени	Археологический и изобразительный материал из закрытых комплексов
<p>1 2 3 4</p>	<p>36 37 38 39 40</p>
<p>5 6 7 8</p>	<p>41 42 43</p>
<p>9 10 11 12 13</p>	<p>44 45 46 47 48 49 50</p>
<p>14 15</p>	<p>51 52 53 54</p>
<p>16 17 18 19 20 21</p>	<p>55 56 57 58 59 60 61 62</p>
<p>22 23 24 25</p>	<p>63 64 65 66 67</p>
<p>26 27 28</p>	<p>68 69</p>
<p>29 30</p>	<p>70 71 72</p>
<p>31 32</p>	<p>73 74</p>
<p>33 34 35</p>	<p>75 76 77</p>

### Изображения тесинского времени:

1 – Большая Боярская писаница (по: [Дэвлет, 1976б]); 2 – Сундуки (по: [Ларичев, 2005]); 3, 4 – Хызыл-Хая (по: [Боковенко, 1987]); 5 – Большая Боярская писаница (по: [Дэвлет, 1976б]); 6 – Куня (по: [Советова, 2005]); 7 – Сундуки (по: [Ларичев, 2005]); 8 – Суханиха (прорисовка Е.А. Миклашевич); 9 – Большая Боярская писаница (по: [Дэвлет, 1976б]); 10 – Куня (по: [Советова, 2005]); 11 – Бычиха (по: [Советова, 2005]); 12, 13 – Суханиха (по: [Советова, 2005]); 14 – Абакано-Перевоз (по: [Русакова, 2016]); 15 – Нижняя Копёнская писаница (по: [Миклашевич, 2018]); 16 – Тепсей-II; 17 – Тепсей, поле; 18 – Абакано-Перевоз (по: [Русакова, 1997]); 19 – мог. Сафроново (по: [Ким Чжонг Бэ, Чжан Со Хо и др., 2007]); 20 – Куня (по: [Советова, 2005]); 21 – Тепсей-V; 22–25 – Куня (по: [Советова, 2005]); 26 – Льнищенская писаница (по: [Миклашевич, 2012]); 27 – Тепсей-II; 28 – Потрошиловская писаница (по: [Советова, 2005]); 29 – Тепсей-XVI, поле; 30 – Оглахты (по: [Есин, 2017]); 31 – Улазы (по: [Мухарева, 2012]); 32 – Шишка (по: [Ким Чжонг Бэ, Чжан Со Хо и др., 2007]); 33–35 – Куня (по: [Советова, 2005])

### Археологический материал и изобразительный материал из закрытых комплексов:

36–38 – Большой Тесинский курган (по: [Дэвлет, 1976б]); 39 – Шабаново-6 (по: [Бобров, Боброва, Савельева, 2017]); 40 – оз. Шумилка (по: [Бобров, Боброва, Савельева, 2017]); 41 – случайная находка (по: [Дэвлет, 1966]); 42 – Ордос, бронза (по: [Никоноров, Худяков, 2004]); 43 – наконечники стрел тесинского этапа (по: [Степная полоса..., 1992]); 44, 45 – Ордос, бронза (по: [Дэвлет, 1976б]); 46 – Кызылган, бронза (по: [Степная полоса..., 1992]); 47 – северо-западный Китай и юго-запад Внутренней Монголии (по: [Bunker, 2002]); 48 – Северный Китай (по: [Bunker, 2002]); 49, 50 – Китай (по: [Ordos bronze]); 51 – Кобяковский курган (по: [Гугуев, 1992]); 52 – Соколова могила (по: [Ковпаненко, 1986]); 53 – Тилля-тепе (по: [Сарианиди, 1989]); 54 – Сибирская коллекция Петра I (фрагмент) (по: [Грязнов, 1961]); 55–57 – Есино-III (по: [Савинов, 1995]); 58 – Тепсей-VIII (по: [Пшеницына, 1975]); 59 – Шестаковский курган (по: [Мартынов, Мартынова, Кулемзин, 1971]); 60 – случайная находка (по: [Степная полоса..., 1992]); 61 – Косогольский клад (по: [Нащёкин, 1967]); 62 – Ордос (по: [Руденко, 1962]); 63 – Северный Китай (по: [Bunker, 2002]); 64 – Разлив-III, Средний Енисей (по: [Степная полоса..., 1992]); 65 – мог. Дархан, Монголия (по: [Миклашевич, 2004]); 66, 67 – мог. Ала-Тей-1, Тува (по: [Килуновская, Леус, 2018]); 68 – Тепсей-III (по: [Боковенко, 1987]); 69 – Ордос, бронза (по: [Грязнов, 1961]); 70 – мог. Есино-III (по: [Савинов, 1995]); 71 – дисковидные булавки (по: [International newsletter..., 2019]); 72 – курганная группа Капуловка-I (по: [Скіфські кургани. Могили предків]); 73 – северная провинция Хэбэй, Китай (по: [Bunker, 2002]); 74 – Ордос (по: [Culture de L'Ordos, période Nan]); 75, 76 – кулайская культура (по: [Некоторые аспекты...]); 77 – Кобяковский курган (по: [Гугуев, 1992])

Это котлы скифского типа, сложносоставные луки, «летающие»/«лежащие» бараны, по которым М.А. Дэвлет [1976б, с. 9] датировала Большую Боярскую писаницу «тагарско-таштыкским переходным этапом» (II в. до н.э. – I-й половиной I в. до н.э.); ажурные бронзовые бляхи из погребений, кладов и случайных находок, а также отлитые в бронзе поясные пряжки и пластины с изображением единорогов и других персонажей; антропоморфные персонажи в «шароварах» на бронзовой пряжке; пятипалые персонажи с изображением зеркала (?); а также бронзовые фигурки матери с детенышем под животом и фигурки птиц.

Бронзовые котлы, будучи, видимо, ритуальными сосудами, не помещались в могилы, что затрудняет хронологическое определение периода их распространения. Исключениями могут служить некоторые маленькие и миниатюрные подвески, которые

происходят из случайных находок. Поэтому особое значение приобретают медно-бронзовые котлы скифской эпохи Южной Сибири (табл.-36–40). При раскопках в урочище Салбык таштыкской грунтовой могилы впервые был найден настоящий маленький бронзовый котелок с тремя шишечками на ручках и рельефными тягами на тулове [Вадцкая, 1999, с. 234]. Изучая материалы тесинского времени Минусинской котловины, Н.Ю. Кузьмин [2011, с. 203] сделал следующий вывод: бронзовые миниатюрные котелки происходят из позднейших курганов раннетесинского этапа, который датируется исследователем рубежом III–II – 1-й половиной I в. до н.э. Можно с уверенностью сказать, что в первых веках до н.э. котлы были известны тагарским племенам, о чем свидетельствуют глиняные копии котлов в погребальном инвентаре. Доказано, что изменения форм бронзовых сосудов оказывали влияние на производство глиняных горшков. Их сосуществование подтверждается находками в погребениях Тувы хуннуского времени. Там обнаружены точные керамические копии бронзовых котлов гуннского типа. Также керамические и сделанные из металла котлы из Средней Азии имеют тождественные формы и являются одновременными [Дэвлет, 1976б, с. 8]. Хуннуские бронзовые котлы имеют ряд особенных признаков, среди которых – П-образные ручки, небольшой пере хват у горловины и прорези на поддоне [Давыдова, Миняев, 2008, с. 23, рис. 14]. Отличительными признаками котлов сибирского типа служат полукруглые ручки, вертикально поставленные на верхнем обресе края, с одним или тремя гвоздевидными отростками в верхней части, а также орнаментом на стенках в виде двойного или тройного выпуклого горизонтального шнура [Дэвлет, 1965, с. 7]. Уже высказывалось мнение, что наибольшее сходство рисунки Большой и Малой Боярской писаниц, Хызыл-Хаи и Сундуков (табл.-1–4) имеют с котловидными сосудами, найденными при раскопках Большого Тесинского кургана, который датируется II – 1-й половиной I в. до н.э. [Дэвлет, 1976б, с. 8]. К памятникам наскального искусства, на которых выявлены изображения подобных котлов, можно отнести также и Оглахты [Миклашевич, 2015, рис. 16].

На скалах бассейна Среднего Енисея чрезвычайно популярными были изображения лучников с *луками* (табл.-5–8) со вскинутой стрелой или без нее (возможно, стрелы могли быть выполнены гравировкой и до нашего времени не сохранились, такие случаи фиксировались нами). С луками изображали и всадников, и пеших воинов в батальных сценах или в сценах охоты на Тепсее, Хызыл-Хае, Боярских писаницах, Сундуках, Куне, Суханихе и др., где ранее уже были выявлены тесинские изображения. Достоверно сложный лук скифского типа известен с VI в. до н.э. У тагарских племен он получил широкое распространение, о чем свидетельствуют находки бронзовых наконечников стрел близких к скифским форм и размеров (табл.-44), однако никаких остатков сложного лука при раскопках пока найдено не было (в Минусинской котловине известны несколько экземпляров миниатюрных сложных луков (табл.-41), которые, по мнению М.А. Дэвлет [1966, с. 70, рис. 21], воспроизводят короткие луки скифского времени). Высказано мнение, что в большинстве случаев рисунки тесинского времени отображают лук не скифского типа, а другой, большой лук, который сменяет малый в конце I тыс. до н.э. [Дэвлет, 1976б, с. 7–8]. Но, судя по некоторым изобразительным материалам этого периода, лук скифского типа продолжает сосуществовать с большим (Тепсей, Оглахты, Куня и другие памятники).

Фигуры «*летающих*»/«*лежащих*» *баранов* (табл.-9), изображенные на Большой Боярской писанице и отнесенные М.А. Дэвлет к переходному тагаро-таштыкскому пе-

риоду, найдены только на этом местонахождении. Они удивительным образом напоминают бронзовые бляхи и статуэтки из района Ордоса (табл. 44–45), где были широко распространены во II–I вв. до н.э. Подобные бронзовые фигурки лежащих баранов известны по материалам из северо-западного Китая и юго-западной Внутренней Монголии, но датируются V–IV вв. до н.э. (табл.-47) [Bunker, 2002, p. 64–65, fig. 31] (видимо, традиция изображения таких персонажей была длительной). Известны и фигурки лошадей с подогнутыми ногами III–I вв. до н.э. из Северного Китая [Bunker, 2002, p. 64–65, fig. 101]. Но если изображения баранов в так называемой летящей позе (с подогнутыми под живот ногами) пока известны лишь на Боярской писанице, то животные других видов (олени и другие животные) в аналогичной позе распространены достаточно широко (табл.-10–13). О.С. Советова [2005, с. 112, табл. 6.-3–4; цв. вкладка: фото 5] отмечала, что часто это уже не классические, мастерски выполненные на камне «копии» тагарской пластики, а довольно схематичные, как бы «трансформированные» изображения, представленные в такой же позе, нередко с аморфными завитками на корпусах или с характерным высоким «султаном» на голове. Именно такие фигуры характерны для Бычихи, Куни, Суханихи, Тепсея, Абакано-Перевоза, встречаются и на других памятниках Минусинской котловины.

На местонахождении Абакано-Перевоз-III И.Д. Русаковой [2016] было зафиксировано очень интересное антропоморфное изображение – один из редких персонажей, представленных в наскальном искусстве региона – в позе «лотоса» (табл.-14). Голова его подквадратной формы с перьевым головным убором или прической (?), с руками, согнутыми в локтях, с короткими растопыренными пальцами (?). Заметим, что манера показа рук с раскрытой пятерней характерна для многих персонажей наскального искусства Минусинской котловины: с Оглахты, Тепсея, Есино-III (табл.-29, 30, 70). На территории Минусинской котловины фигур в подобной позе нами больше не встречено, и, хотя можно упомянуть изображение антропоморфного персонажа с писаницы Нижняя Копёнская [Миклашевич, 2018, рис. 6], но положение ног у него несколько иное (табл.-15). Персонажи, представленные в позе со скрещенными ногами, «по-турецки», нередки в искусстве около рубежа нашей эры: например на гривне из Кобяковского кургана (I в. н.э. – начала II в. н.э.) [Гугуев, 1992, с. 116, рис. 4.-13] (табл.-51); бактрийском зеркале из Соколовой могилы из сарматского погребения (I в. н.э.), на котором ручка сделана в виде мужской фигуры [Ковпаненко, 1986, рис. 70–72] (табл.-52); на пластине из Сибирской коллекции Петра I [Грязнов, 1961, рис. 10-а–б] (табл.-54). В качестве аналогии можно назвать также фигурки музыкантов из Тилля-тепе середины I в. н.э. [Сарианиди, 1989, с. 63, рис. 23; Горбунова, 1995, с. 164] (табл.-53). В.К. Гугуев [1992, с. 122–123] относительно такой позы писал, что она имеет, скорее всего, восточное происхождение, во всяком случае, по-видимому, наиболее раннее изображение персонажа со скрещенными «по-турецки» ногами, относится к IV–III тыс. до н.э. и происходит из Ирана. Известна эта поза и в изобразительных памятниках Центральной Азии 2-й половины I тыс. до н.э. и в галло-римской пластике, но как иконографический канон укореняется в передне- и среднеазиатском регионах около рубежа н.э. Поэтому не исключено, что персонаж с писаницы Абакано-Перевоз был создан также на рубеже эр.

Д.Г. Савиновым [1995] во время раскопок в Есино-III были открыты плитки с рисунками, выполненными в так называемом «идеограмматическом стиле». Благодаря этому появилась возможность выделить и среди петроглифов серию подобных изо-

бражений и датировать их тесинским временем (табл.-16–21). Д.Г. Савинов соотнес их с геометрическим характером ажурных бронзовых пластин (табл.-58, 60–62), которые получили распространение на Среднем Енисее в конце III – I в. до н.э., о чем свидетельствует наличие датирующих вещей в составе Косогольского [Нащёкин, 1967] и Июсского кладов [Бородовский, Ларичев, 2011], а также находки обломков пластин в погребальных комплексах – Дэрестуйском и Иволгинском могильниках [Давыдова, 1971]. М.А. Дэвлет [1975, с. 150] разделяет их на две группы: 1) с решеткой из волнистых линий; 2) с решеткой из ломаных линий. Датировка минусинских пластин последними веками I тыс. до н.э. согласуется с хронологическим определением забайкальских и северокайтских пряжек [Давыдова, 1971, с. 94]. Аналогии были найдены в районе Ордоса, но изображение змеи на пластинах из Ордоса, по мнению зоологов, свидетельствует об обитании таких змей в Юго-Восточной Азии, не встречающихся в пределах Минусинской котловины. Из этого делается вывод, что в результате многократного воспроизведения многие черты ордосских образцов на минусинских пластинах оказались видоизмененными либо вовсе утраченными [Дэвлет, 1975, с. 150–153]. По мнению Д.Г. Савинова [2004, с. 124–126], бронзовые поясные ажурные пластины отражают политическое влияние хунну. Более того, в памятниках ранних этапов тагарской культуры не встречается прообразов решетчатых блях [Дэвлет, 1975, с. 155]. Кроме Есино-III (табл.-55–57) плитки с подобными рисунками были обнаружены при раскопках соседнего кургана-склепа Есино-IV (раскопки Е.Д. Паульса в 1989 г.) [Савинов, 2009, с. 94]. Что касается изображений в «идеограмматическом стиле», то в последние годы их находок становится больше: здесь можно назвать рисунки из Оргинёка (междуречье Июсов) [Рыбаков, 2006], на каменной стеле могильника Арбан-IV из окрестностей с. Нижняя Тёя (Аскизский район республики Хакасия). Подобные рисунки обнаружены и на скальном выходе склона горы, у подножия которой располагалось это погребение [Миклашевич, 2009, с. 328]. Схожие изображения (табл.-16–21) встречены и на одной из плоскостей Боярского комплекса, а также на Тепсее, Абакано-Перевозе, Куне [Советова, 2005, с. 122, табл. 16.-8], Сундуках и на других памятниках. Такие рисунки были фиксированы и в палимпсестах, и в многофигурных разновременных сценах (Тепсей, Оглахты и др.). Некоторые рисунки местонахождения Абакано-Перевоз И.Д. Русакова [1997, с. 101–102] сравнивает с тесинскими лабиринтами, выделенными Д.Г. Савиновым. Появление и распространение «идеограмматического» стиля Д.Г. Савинов [2009, с. 101] связывает с изображениями геометрического характера на различных предметах материальной культуры хунну и отмечает, что подобная орнаментация не характерна для более ранних культур Южной Сибири.

Анализ *сяньбийской торевтики*, дающей яркие образцы изображений единорогов, крылатых коней и бегущих размахистой иноходью лошадей, применительно к материалам петроглифов Куни позволил Е.А. Миклашевич [2004, 2010] определить принадлежность серии противостоящих животных, нанесенных на скалы, к тесинскому времени. На Куне представлены противостоящие друг другу единороги, олени, медведи (табл.-22–25). Исследовательница отмечает, что бронзовые пластины с изображениями животных (табл.-63–67), в частности единорогов, так же как и другие пластины той эпохи, совершенно очевидно, носились на поясе парными, представляя сюжет противостояния или противоборства, который мы видим и в наскальной композиции Куни. Одна из пластин с изображением крылатого коня найдена также в Минусинской

котловине [Дэвлет, 1980], что позволяет отнести к этой серии и подобное изображение крылатого коня Оглахты [Миклашевич, 2004, с. 323].

На памятниках Минусинской котловины также представлена большая серия *всадников*, выполненных с использованием общего изобразительного стандарта. Среди них, очевидно, есть серии тагарских изображений, но не исключены и, скорее всего, многочисленны тесинские рисунки. Некоторые из них вполне определенно относятся к тесинскому периоду, например всадники с одного из могильных камней на Тепсее [Советова, 2014, с. 97]. Но есть и такие, хронологическая принадлежность которых вызывает среди исследователей дискуссии. Это касается прежде всего датировки группы аналогичных всадников, зафиксированных на нескольких памятниках Енисея – Потрошиловская, Льнищенская писаницы, Усть-Туба, Оглахты, Тепсей [Шер, 1980; Боковенко, 1987; Советова, 2005; Миклашевич, 2012]. Эти всадники выполнены реалистично и достаточно профессионально: все они изображены в головных уборах с «султанами» или развевающимися «лентами» (перьями), с ниспадающей косицей на задней части головы и т.д. Судя по посадке всадников, может сложиться впечатление, что ноги их упираются в стремена (ступня направлена вперед и вверх; натянуты поводья лошади). Правда, не у всех показана прямая ступня, у некоторых пятка как бы «провисает». Такая посадка и породила дискуссию о том, не средневековые ли это изображения. Практически у всех всадников прорисованы луки, торчащие из горитов, кроме этого вооружения некоторые из них держат в руках длинную палку вроде рогатины, раздвоенную на конце (табл.-26). Что касается коней, то все они показаны в позе внезапной остановки, с длинным дугообразным хвостом, с двумя торчащими ушами. У холки лошади выбит небольшой «отросток», можно предположить, что это лука седла либо невыстриженные пряди гривы, за которые хватались всадники, садясь на коня [Миклашевич, 2012, с. 43]. Чаще всего подобные всадники встречаются одиночными, редко – в сюжетных композициях (едущие друг за другом всадники, сцена охоты). Часть из них показана с элементами одежды, в частности в широких штанах (заправленных в сапоги?) (табл.-26–28). Нам представляется, что некоторую услугу в конкретизации датировки этих персонажей могут дать аналогии с ордосскими бронзами, среди которых есть несколько пластин, иллюстрирующих борьбу двух спешившихся людей, одетых в *шаровары* [Грязнов, 1961, рис. 3] (табл.-69). Бляхи датированы III–I вв. до н.э. [Грязнов, 1961, с. 10]. Известно, что у скифов были популярны штаны типа шаровар, а судя по ордосским бляхам, они оставались популярными и в рассматриваемое нами время. Ступня, показанная прямо (по мнению некоторых исследователей, «в стремя»), встречается у многих тагарских всадников, причем нередко их ноги при этом свисают чуть ли не до земли [Советова, 2005, табл. 20.-9, 12].

Еще один сюжет можно сопоставить с материалами, полученными из закрытого комплекса Есино-III [Савинов, 1995], где на плитке изображен *персонаж с растопыренными пальцами рук* (табл.-70). Такие персонажи были весьма популярными в наскальном искусстве. Но любопытно, что можно определить и некоторые распространенные сюжеты с ними и соотнести с тесинским периодом. Один из таких сюжетов связан с антропоморфом с открытой пятерней в сочетании с более мелкими фигурками и предметом типа зеркала (Тепсей-XVI, Оглахты) (табл.-29, 30). Возможно, этот сюжет отображал какие-то важные представления, связанные с загробным миром, поскольку известно, что зеркала тесно связаны с погребальной практикой.



В последнее время отмечен еще один сюжет, часто встречающийся среди наскальных рисунков тесинского времени на Среднем Енисее, в котором представлена самка с детенышем под ее животом [Ладыгина, 2014] (табл.-23–24). Заметим, что, хотя этот сюжет является универсальным и встречается у многих народов в разные эпохи, всплеск интереса к этой теме очень заметен в тесинский период (Тепсей, Шишка, Улазы, Куня и др.) (табл.-31, 32). Отображен он и в ордосской бронзе (провинции Хэбэй в Китае [Bunker, 2002, fig. 151] и Ордосе [Ordos bronze]) (табл.-74, 75).

### **Заключение**

Таким образом, метод сопоставления наскальных рисунков с предметными сериями остается весьма продуктивным и лишней раз подтверждает тезис о том, что художественная манера создателей наскальных изображений во многом формировалась под воздействием стиля, в котором были изготовлены вещи, их окружавшие [Миклашевич, 2010, с. 136]. Использование метода сопоставлений рисунков и предметов позволило выявить достаточно разнородный, но хронологически единый пласт изображений тесинского времени. Н.Ю. Кузьмин, проведя анализ материалов раскопок погребальных памятников, сооружавшихся в степях Среднего Енисея в хуннуско-сяньбийское время и привлекая данные письменных и этнографических источников, пришел к выводу о трех волнах миграции. Первая волна пришла, скорее всего, с Алтая, но культура аборигенного населения скифского времени (тагарская) не прекратила своего существования с наступлением хуннуского периода. Вторую волну составляли инокультурные племена из Тувы и, возможно, Алтая, которые смешались с ранними «тесинцами». С того времени характерной особенностью тесинской культуры стало наличие двух типов погребальных памятников – грунтовых могильников и склепов. Третья миграционная волна образовалась в результате давления сяньбийских племен, которые захватили земли, подконтрольные хунну, хотя эти события не привели к исчезновению тесинской культуры, которая продолжала сосуществовать с таштыкской [Кузьмин, 2011, с. 238–239]. На наш взгляд, эти сложные историко-культурные изменения отображались и в наскальном искусстве региона. Изобразительный материал позволяет вполне обоснованно выделить, по меньшей мере, несколько стилистических групп изображений, сложившихся в рассматриваемый период: фигуры, представляющие как бы «вырождение скифо-сибирского стиля» (искажение пропорций, отход от изобразительного канона); рисунки в «идеограмматическом» стиле («путаницы», «лабиринты, спирали и т.д.); рисунки, сочетающие признаки «тагарского» и «таштыкского» стилей; и, возможно, группа сяньбийских рисунков со специфическими темами (Куня). И что очень важно – их принадлежность к этому времени основывается на аналогиях с разнообразными археологическими материалами. Конечно, поиск аналогий необходимо расширять, поскольку изобразительный материал способен восполнить многие недостающие звенья в представлениях о тех исторических процессах, которые происходили в бассейне Среднего Енисея – Минусинской провинции хунну, – в эту сложную эпоху перемен.

### **Библиографический список**

Бобров В.В., Боброва Л.Ю., Савельева А.С. Медно-бронзовые котлы скифского времени из Кузнецкой котловины и Мариинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. 2017. №1 (17). С. 104–122.

Боковенко Н.А. К вопросу о датировке некоторых енисейских изображений всадников // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск : Наука, 1987. С. 75–80.

- Бородовский А.П., Ларичев В.Е. Предметный комплекс Июсского клада // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 7. Археология и этнография. С. 196–208.
- Вадецкая Э.Б. Тесинский этап // Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. : Наука, 1986. С. 124–129.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
- Горбунова Н.Г. Юэчжи. Письменные источники и археология (постановка вопроса) // Эрмитажные чтения 1986–1994 гг. памяти В.Г. Луконина. СПб. : Государственный Эрмитаж, 1995. С. 162–167.
- Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Изд-во ГЭ, 1961. Вып. 3. С. 7–31.
- Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири. Л. : Наука, 1968. Т. 1. С. 187–196.
- Гугуев В.К. Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н.э. – начала II в. н.э.) // Вопросы древней истории. 1992. №4. С. 116–129.
- Давыдова А.В. К вопросу о хуннских художественных бронзах // Советская археология. 1971. №1. С. 93–105.
- Давыдова А.В., Миняев С.С. Художественная бронза сюнну. Новые открытия в России. СПб. : Гамас, 2008. 120 с.
- Дэвлет М.А. Бронзовые бляшки в форме сложного лука из Хакасии // КСИА. 1966. Вып. 107. С. 70–74.
- Дэвлет М.А. Сибирские решетчатые [бронзовые] пластины // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1975. С. 150–155.
- Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница. М. : Наука, 1976б. 36 с.
- Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. // САИ. 1980. Вып. Д4-7. 66 с. + 29 табл.
- Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев : Наукова думка, 1986. 152 с.
- Килуновская М.Е., Леус П.М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // Археологические вести. СПб. : ИИМК РАН, 2018. Вып. 24. С. 125–152.
- Ким Чжонг Бэ, Чжан Со Хо, Боковенко Н.А., Килуновская М.Е. Наскальные изображения Центральной Азии. Сеул, 2007. 335 с.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Наука, 1949. 364 с. (МИА. №9).
- Кузьмин Н.Ю. Некоторые итоги и проблемы изучения тесинских погребальных памятников Хакасии // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. СПб. : ИИМК РАН, 1995. Вып. 24. С. 151–162.
- Кузьмин Н.Ю. Этапы сложения и развития тесинской культуры (по погребальным памятникам степей Минусинской котловины) // Номады казахских степей: этносоциологические процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана : Издательская группа ПЦК РК, 2008. С. 187–204.
- Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб. : Айсинг, 2011. 456 с.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). М. : Изд-во МГУ, 1960. 198 с.
- Ладыгина Ю.М. Тема материнства в наскальном искусстве Сибири // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. Т. IV. С. 63–64.
- Ларичев В.Е. Вооружение и защитное снаряжение персонажей героического эпоса тагарской эпохи (по материалам наскальных изображений Северной Хакасии) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 133–140.
- Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. Кемерово : КГПИ, 1971. 250 с.
- Миклашевич Е.А. «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. С. 320–325.
- Миклашевич Е.А. Документирование и мониторинг памятников наскального искусства в Хакасии и на юге Красноярского края в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. XV. С. 323–328.

Миклашевич Е.А. Влияние торевтики на формирование стилей наскального искусства Южной Сибири, Средней и Центральной Азии // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул : Азбука, 2010. С. 135–144 (Труды САИПИ. Вып. VI).

Миклашевич Е.А. Лънищенская писаница // Памятники наскального искусства Минусинской котловины. Георгиевская, Лънищенская, Улазы-III, Сосниха. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2012. С. 28–56 (Труды САИПИ. Вып. X).

Миклашевич Е.А. Комплекс памятников наскального искусства Оглахты: информационный потенциал и перспективы исследования // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. №1 (9). Вып. 2. С. 54–76.

Миклашевич Е.А. О памятниках наскального искусства в урочище Каменка на Среднем Енисее // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2018. Вып. 7. С. 5–22.

Мухарева А.Н. Петроглифы местонахождения Улазы-III // Памятники наскального искусства Минусинской котловины. Георгиевская, Лънищенская, Улазы-III, Сосниха. Кемерово : КемГУ, 2012. Вып. X. С. 57–71 (Труды САИПИ. Вып. X).

Наскальные изображения Оглахты : Альбом / сост., авт. текста Ю.Н. Есин. Абакан : ГПЗ «Хакасский», 2017. 160 с.

Нащёкин Н.В. Косогольский клад // Археологические открытия 1966 года. М. : Наука, 1967. С. 163–165.

Никонов В.П., Худяков Ю.С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы. Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. 320 с.

Пшеницына М.Н. Работы Позднетагарского отряда // Археологические открытия 1971 года. М. : Наука, 1972. С. 246–247.

Пшеницына М.Н. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975. С. 150–162.

Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1979. С. 70–89.

Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 224–235.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.

Русакова И.Д. Новый памятник наскального искусства на Енисее (писаница у д. Абакано-Перевоз в Хакасии) // Наскальное искусство Азии. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 2. С. 101–112.

Русакова И.Д. Предварительные результаты обследования петроглифов Боярского хребта в 2011–2014 годах // Археология Южной Сибири. Кемерово : КемГУ, 2016. Вып. 27. С. 101–114.

Рыбаков Н.И. Новый памятник тесинской культуры (святилище Оргинёк в междуречье Июсов) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 260–272.

Савинов Д.Г. Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино-III) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово : КемГУ, 1995. С. 22–32.

Савинов Д.Г. Население Среднего Енисея в эпоху сложения скотоводческих обществ (III тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.) // Journal of Turkic Civilization Studies. Bishkek, 2004. №1. P. 107–134.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция Хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб. : ИИМК РАН, 2009. 226 с.

Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М. : Наука, 1989. 240 с.

Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 140 с.

Советова О.С. Тесинские рисунки на Тепсее // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации : мат. Всероссийской (с международным участием) науч. конф. (Новосибирск, 12–14 ноября 2014 г.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. С. 95–97.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М. : Наука, 1992. Т. 10. 494 с.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 41–62.

Членова Н.Л. Тагарская культура на Енисее // Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ : АН СССР, 1964. С. 280–308.

Шер А.Я. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. : Наука, 1980. 328 с.

Bunker E.C. Nomadic art of the Eastern Eurasian Steppes. The Eugene V. Thaw and Other New York Collections. Metropolitan Museum of Art. New York : Yale University Press, 2002. 233 p.

International Newsletter On Rock Art (INORA). Editor: Dr. Jean Clottes. 2019. №83.

Скіфські кургани. Могили предків // Библиотечно-інформаційний центр «Слово». URL: <http://bizslovo.org/content/index.php/istoriya-nikopolya/134-davnya-istoriya/316-skifski-kurgany.html> (дата обращения 26.05.2019).

Ordos bronze // Alamy URL: <https://www.alamy.com/stock-photo/ordos-bronze.html> (дата обращения 26.05.2019).

CULTURE DE L'ORDOS, PÉRIODE HAN, IIIÈ-IÈR... // Baron Ribeyre and Associates URL: <https://www.baronribeyre.com/lot/79284/6587656> (дата обращения 26.05.2019).

Некоторые аспекты орнитоморфного образа в культовой металлопластике народов Сибири и Урала // Культурология URL: <https://kulturologia.ru/blogs/120713/18542/> (дата обращения 26.05.2019).

## References

Bobrov V.V., Bobrova L. Yu., Savel'eva A.S. Medno-bronzovye kotly skifskogo vremeni iz Kuzneckoï kotloviny i Mariïnskoï lesostepi [Copper-Bronze Boilers of the Scythian Time from the Kuznetsk Depression and the Mariïnsky Forest-Steppe]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2017. №1 (17). Pp. 104–122.

Bokovenko N.A. K voprosu o datirovke nekotorykh enisejskikh izobrazhenij vsadnikov [On the Question of the Dating of some Yenisei Images of Horseriders]. *Skifo-sibirskij mir. Iskusstvo i ideologiya* [Skifo-Siberian World. Art and Ideology]. Novosibirsk : Nauka, 1987. Pp. 75–80.

Borodovskij A.P., Larichev V.E. Predmetnyj kompleks Iyusskogo klada [The Subject Complex of the Iyusky Treasure]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologiya*. 2011. T. 10, vyp. 7. *Arheologiya i etnografiya*. [Bulletin of NSU. Series: History, Philology. 2011. Vol. 10, no.7. Archaeology and Ethnography]. Pp. 196–208.

Vadeckaya E.B. Tesinskij etap [Tesinsky Stage]. *Arheologicheskie pamyatniki v stepyah Srednego Eniseya* [Archaeological Sites in the Steppes of the Middle Yenisei]. L. : Nauka, 1986. Pp. 124–129.

Vadeckaya E.B. Tashtyckaya epoha v drevnej istorii Sibiri [Tashtyk Era in the Ancient History of Siberia]. Spb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 1999. 440 p.

Gorbunova N.G. Yuechzhi. Pis'mennye istochniki i arheologiya (postanovka voprosa) [Yuezhi. Written Sources and Archaeology (posing the question)]. *Ermitazhnye chteniya 1986–1994 gg. pamyati V.G. Lukonina* [Hermitage Readings 1986–1994. in Memory of V.G. Lukonin]. Spb. : Gosudarstvennyj Ermitazh, 1995. Pp. 162–167.

Gryaznov M.P. Drevnejšie pamyatniki geroïcheskogo eposa narodov Yuzhnoj Sibiri [Ancient Sites of the Heroic Epos of the Peoples of Southern Siberia]. *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum]. L. : Izd-vo GE, 1961. Issue 3. Pp. 7–31.

Gryaznov M.P. Tagarskaya kul'tura [Tagarskaya Culture]. *Istorija Sibiri* [History of Siberia]. L. : Nauka, 1968. Vol. 1. Pp. 187–196.

Guguev V.K. Kobyakovskij kurgan (K voprosu o vostochnykh vliyaniyah na kul'turu sarmatov I v. n.e. – nachala II v. n.e.) [Kobyakovsky Kurgan (On the question of Eastern Influences on the Culture of Sarmatians the 1<sup>st</sup> century. AD – beginning of the 2<sup>nd</sup> century AD)]. *Voprosy drevnej istorii* [Questions of Ancient History]. 1992. №4. Pp. 116–129.

Davydova A.V. K voprosu o hunnskikh hudozhestvennykh bronzakh [On the Issue of the Huns' Artistic Bronzes]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology]. 1971. №1. Pp. 93–105.

Davydova A.V., Minyaev S.S. Hudozhestvennaya bronza syunnu. Novye otkrytiya v Rossii [Art Bronze of the Huns. New Discoveries in Russia. SPb. : Gamas, 2008. 120 s.

Devlet M.A. Bronzovye blyashki v forme slozhnogo luka iz Hakasii [Bronze Plaques in the Form of Complex Bows from Khakassia]. *KSIA*. 1966. Issue 107. Pp. 70–74.

Devlet M.A. Sibirskie reshchatyie [bronzovye] plastiny [Siberian Lattice [bronze] Plates]. *Arheologiya Severnoj i Central'noj Azii* [Archaeology of Northern and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1975. Pp. 150–155.

Devlet M.A. Bol'shaya Boyarskaya pisanica [Big Boyar Pisanitsa]. M. : Nauka, 1976b. 36 p.

Devlet M.A. Sibirskie pojasnye azhurnye plastiny II v. do n.e. – I v. n.e. [Siberian Belt Openwork Plates the 2<sup>nd</sup> Century BC – the 1<sup>st</sup> Century AD]. *AIS*. 1980. Vol. D4-7. 66 p. + 29 tabl.

Kovpanenko G.T. Sarmatskoe pogrebenie I v. n.e. na Yuzhnom Buge [Sarmatian Burial of the 1<sup>st</sup> c. AD on the Southern Bug]. Kiev : Naukova dumka, 1986. 152 p.

Kilunovskaya M.E., Leus P.M. Novye materialy ulug-hemskoj kul'tury v Tuve [New Materials of the Ulug-Khem Culture in Tuva]. *Arheologicheskie vesti [Archaeological News]*. SPb. : IIMK RAN, 2018. Issue 24. Pp. 125–152.

Kim Chzhong Be, Chzhan So Ho, Bokovenko N.A., Kilunovskaya M.E. Naskal'nye izobrazheniya Central'noj Azii [Rock Paintings of Central Asia]. Seoul, 2007. 335 s.

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoj Sibiri [The Ancient History of Southern Siberia]. M. : Nauka, 1949. 364 p. (MIA. №9).

Kuz'min N.Yu. Nekotorye itogi i problemy izucheniya tesinskih pogrebal'nyh pamyatnikov Hakasii [Some Results and Problems of the Study of the Tes Burial Sites Khakassia]. *Yuzhnaya Sibir' v drevnosti. Arheologicheskie izyskaniya [Southern Siberia in Ancient Times. Archaeological Survey]*. SPb. : IIMK RAN, 1995. Issue 24. Pp. 151–162.

Kuz'min N.Yu. Etapy slozheniya i razvitiya tesinskoj kul'tury (po pogrebal'nym pamyatnikam stepej Minusinskoj kotloviny) [Stages of the Formation and Development of the Tesinskaya Culture (on the funerary sites of the steppes of the Minusinsk depression)]. *Nomady kazahskih stepej: etnosociokul'turnye processy i kontakty v Evrazii skifo-sakskoj epohi [Nomads of the Kazakh Steppes: Ethnosocial and Cultural Processes and Contacts in Eurasia of the Scythian-Saka Era]*. Astana : Izdatel'skaya gruppa PCK RK, 2008. Pp. 187–204.

Kuz'min N.Yu. Pogrebal'nye pamyatniki hunno-syan'bijskogo vremeni v stepyah Srednego Eniseya: Tesinskaya kul'tura [The Funerary Sites of the Xiongnu-Xianbei Time in the Steppes of the Middle Yenisei: Tessinskaya Culture]. SPb. : Ajsing, 2011. 456 p.

Kyzlasov L.R. Tashtykская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины (I в. до н.е. – V в. н.е.) [Tashtyk Era in the History of the Khakass-Minusinsk Depression (the 1<sup>st</sup> century BC – the 5<sup>th</sup> century AD)]. M. : Izd-vo MGU, 1960. 198 p.

Ladygina Yu.M. Tema materinstva v naskal'nom iskusstve Sibiri [The Theme of Motherhood in the Rock Art of Siberia]. *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]*. Kazan' : Otechestvo, 2014. Vol. IV. Pp. 63–64.

Larichev V.E. Vooruzhenie i zashchitnoe snaryazhenie personazhej geroicheskogo eposa tagarskoj epohi (po materialam naskal'nyh izobrazhenij Severnoj Hakasii) [Armament and Protective Equipment of the Characters of the Heroic Epos of the Tagar Epoch (based on the rock paintings of Northern Khakassia)]. *Teoriya i praktika arheologicheskij issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]*. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Issue 1. Pp. 133–140.

Martynov A.I., Martynova G.S., Kulemzin A.M. Shestakovskie kurgany [Shestakov Barrows]. Kemerovo : KGPI, 1971. 250 p.

Miklashevich E.A. «Plemya edinoroga» na Enisee (syan'bejskie motivy v naskal'nom iskusstve Minusinskoj kotloviny) [“The Unicorn Tribe” on the Yenisei (Syanbey Motifs in the Rock Art of the Minusinsk Basin)]. *Izobrazitel'nye pamyatniki: stil', epoha, kompozicii : Materialy tematicheskoi nauchnoj konferencii [Pictorial Monuments: Style, Epoch, Compositions. Materials of Thematic Scientific Conference]*. SPb. : Izd-vo SPbGU, 2004. Pp. 320–325.

Miklashevich E.A. Dokumentirovanie i monitoring pamyatnikov naskal'nogo iskusstva v Hakasii i na yuge Krasnoyarskogo kraja v 2009 godu [Documentation and Monitoring of Rock Art Monuments in Khakassia and in the South of the Krasnoyarsk Territory in 2009]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]*. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2009. Vol. XV. Pp. 323–328.

Miklashevich E.A. Vliyanie torevtiki na formirovanie stilej naskal'nogo iskusstva Yuzhnoj Sibiri, Srednej i Central'noj Azii [The Influence of Toreutics on the Formation of Styles of Rock Art in Southern Siberia, Central and Central Asia]. *Torevtika v drevnih i srednevekovyh kul'turah Evrazii [Torevtika in Ancient and Medieval Cultures of Eurasia]*. Barnaul : Azbuka, 2010. Pp. 135–144 (Trudy SAIPI. Vyp. VI).

Miklashevich E.A. L'nishenskaya pisanica [Lnishchenskaya Pisanitsa]. *Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoj kotloviny. Georgievskaya, L'nishchenskaya, Ulazy-III, Sosniha [Monuments of Rock Art of the Minusinsk Depression, Georgievskaya, Lnishchenskaya, Uladi-III, Sosnikha]*. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2012. Pp. 28–56 (Trudy SAIPI. Vyp. X).

Miklashevich E.A. Kompleks pamyatnikov naskal'nogo iskusstva Oglakhty: informacionnyj potencial i perspektivy issledovaniya [The Complex of Rock Art Monuments of Oglakhty: Informational Potential and Research Prospects]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya [Sayano-Altai Scientific Review]*. 2015. №1 (9). Issue 2. Pp. 54–76.

Miklashevich E.A. O pamyatnikah naskal'nogo iskusstva v urochishche Kamenka na Srednem Enisee [On the Monuments of Rock Art in the Kamenka Tract on the Middle Yenisei]. Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanica» [Scientific Notes of the “Tomsk Pisanitsa” Museum-Reserve]. 2018. Issue 7. Pp. 5–22.

Muhareva A.N. Petroglify mestonahozhdeniya Ulazy-III [Petroglyphs of the Location of Ulazy-III]. Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoj kotloviny. Georgievskaya, L'nishchenskaya, Ulazy-III, Sosniha [Monuments of the Rock Art of the Minusinsk Basin. Georgievskaya, L'nishchenskaya, Ulazy-III, Sosnikha]. Kemerovo : KemGU, 2012. Issue X. Pp. 57–71 (Trudy SAIPI. Vyp. X).

Naskal'nye izobrazheniya Oglahty : Al'bom [Rock Paintings of Oglahty: Album]. Composed by Yu.N. Esin. Abakan : GPZ «Hakasskij», 2017. 160 p.

Nashchyokin N.V. Kosogol'skij klad [Kosogol Treasure]. Arheologicheskie otkrytiya 1966 goda [Archaeological Discoveries in 1966]. M. : Nauka, 1967. Pp. 163–165.

Nekotorye aspekty ornitomorfno go obraza v kul'tovoj metalloplastike narodov Sibiri i Urala [Some Aspects of the Ornithomorphic Image in the Cult Metal-Plastic of the Peoples of Siberia and the Urals]. Culturology. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/120713/18542/> (date of address 26.05.2019).

Nikonorov V.P., Hudyakov Yu.S. «Svistyashchie strely» Maodunya i «Marsov mech» Attily. Voennoe delo aziatskih hunnu i evropejskih gunnov [“Whistling arrows” Maodun and “Marsov Sword” of Attila. Warfare of Asian and European Huns]. SPb. : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. 320 p.

Pshenitsina M.N. Raboty Pozdnetagarskogo otryada [Works of the Late Tatars Detachment]. Arheologicheskie otkrytiya 1971 goda [Archaeological Discoveries of 1971]. M. : Nauka, 1972. Pp. 246–247.

Pshenitsina M.N. Tretij tip pamyatnikov tesinskogo etapa [The Third Type of the Sites of the Tesian Stage]. Pervobytnaya arheologiya Sibiri [Primitive Archeology of Siberia]. L. : Nauka, 1975. Pp. 150–162.

Pshenitsina M.N. Tesinskij etap [The Tes Period]. Kompleks arheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsej na Enisee [The Complex of Archaeological Sites at the Tepsei Mountain on the Enisei]. Novosibirsk : Nauka, 1979. Pp. 70–89.

Pshenitsina M.N. Tesinskij etap [The Tes Period]. Arheologiya SSSR. Stepnaya polosa Aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Archaeology of the USSR. The Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Time]. M. : Nauka, 1992. Pp. 224–235.

Rudenko S.I. Kul'tura hunnov i Noinulinskie kurgany [The Hun Culture and Noynuli Barrows]. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1962. 206 p.

Rusakova I.D. Novyj pamyatnik naskal'nogo iskusstva na Enisee (pisanica u d. Abakano-Perevoz v Haka-sii) [A New Monument of Rock Art on the Yenisei (pisanitsa near the Village of Abakano-Perevoz in Khakassia)]. Naskal'noe iskusstvo Azii [The Rock Art of Asia]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1997. Issue 2. Pp. 101–112.

Rusakova I.D. Predvaritel'nye rezul'taty obsledovaniya petroglifov Boyarskogo hrebra v 2011–2014 godah [Preliminary Results of a Survey of the Petroglyphs of the Boyarsky Ridge in 2011–2014]. Arheologiya Yuzhnoj Sibiri [Archaeology of Southern Siberia]. Kemerovo : KemGU, 2016. Issue 27. Pp. 101–114.

Rybakov N.I. Novyj pamyatnik tesinskoj kul'tury (svyatilishche Orginyok v mezhdurech'e Iyusov) [A New Monument of the Tesian Culture (the Orgynek Sanctuary in the Iusov Interfluve)]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Issue 2. Pp. 260–272.

Savinov D.G. Tesinskie labirinty (po materialam mogil'nika Esino-III) [Tesinsky Labyrinths (on the materials of the Esino-III burial ground)]. Drevnee iskusstvo Azii. Petroglify [Ancient Art of Asia. Petroglyphs]. Kemerovo : KemGU, 1995. Pp. 22–32.

Savinov D.G. Naselenie Srednego Eniseya v epohu slozheniya skotovodcheskikh obshchestv (III tys. do n.e. – seredina I tys. n.e.) [The Population of the Middle Yenisei in the Era of the Formation of Cattle-breeding Societies (the 3<sup>rd</sup> millennium BC – mid 1<sup>st</sup> millennium AD)]. Journal of Turkic Civilization Studies. Bishkek, 2004. №1. Pp. 107–134.

Savinov D.G. Minusinskaya provinciya Hunnu (po materialam arheologicheskikh issledovanij 1984–1989 gg.) [Minusinsk Province of Xiongnu (According to the materials of archaeological research 1984–1989)]. SPb. : IIMK RAN, 2009. 226 p.

Sarianidi V.I. Hram i nekropol' Tillyatepe [Temple and Necropolis of Tillapepe]. M. : Nauka, 1989. 240 p.

Sovetova O.S. Petroglify tagarskoj epohi na Enisee (syuzhety i obrazy) [Petroglyphs of the Tagar Epoch on the Yenisei (plots and images)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2005. 140 p.

Sovetova O.S. Tesinskie risunki na Tepsee [Tesinsky Drawings on Tepsey]. Arhaicheskoe i tradicionnoe iskusstvo: problemy nauchnoj i hudozhestvennoj interpretacii : mat. Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauch. konf. (Novosibirsk, 12–14 noyabrya 2014 g.) [Archaic and Traditional Art: Problems of Scientific and Artistic Interpretation: Materials of All-Russian (with international participation) Scientific Conference (Novosibirsk, November 12–14, 2014)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2014. Pp. 95–97.

Stepnaya polosa Aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [The Steppe Belt of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Arheologiya SSSR [Archeology of the USSR]. M. : Nauka, 1992. Vol. 10. 494 p.

Teplouhov S.A. Opyt klassifikacii drevnih metallicheskih kul'tur Minusinskogo kraya [Classification Experience of Ancient Metal Cultures of the Minusinsk Region]. ME. 1929. Vol. IV, Issue 2. Pp. 41–62.

Chlenova N.L. Tagarskaya kul'tura na Enisee [Tagar Culture on the Yenisei]. Materialy po drevnej istorii Sibiri [Materials on the Ancient History of Siberia]. Ulan-Ude : AN SSSR, 1964. Pp. 280–308.

Sher A.Ya. Petroglify Srednej i Central'noj Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. M. : Nauka, 1980. 328 p.

Bunker E.C. Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. The Eugene V. Thaw and Other New York Collections. Metropolitan Museum of Art. New York : Yale University Press, 2002. 233 p.

International Newsletter On Rock Art (INORA). Editor: Dr. Jean Clottes. 2019. №83.

Skifs'ki kurgani. Mogili predkiv [Scythian Burial Mounds. Tombs of Ancestors]. Bibliotechno-informacionnyj centr «Slovo» [Library and Information Center “Slovo”]. URL: <http://bizslovo.org/content/index.php/istoriya-nikopolya/134-davnaya-istoriya/316-skifski-kurgany.html> (date of address 26.05.2019).

Ordos bronze // Alamy URL: <https://www.alamy.com/stock-photo/ordos-bronze.html> (дата обращения 26.05.2019).

CULTURE DE L'ORDOS, PÉRIODE HAN, IIIÉ-IER... // Baron Ribeyre and Associates URL: <https://www.baronribeyre.com/lot/79284/6587656> (date of address 26.05.2019).

**M.A. Baiberdina (Talyagina)**

*Technical College of Information Technology, Economics and Law of the Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics, Kemerovo, Russia*

## **IMAGES OF THE TES TIME IN THE MINUSINSK HOLLOW IN THE CONTEXT OF ARCHAEOLOGICAL MATERIAL**

The article is devoted to the analysis of the rock paintings of the Tes time in the Minusinsk Hollow in the context of archaeological materials. In the course of the work, the analysis is given to the most vivid scenes and individual characters that were widely spread on the monuments of the rock art of that time, and in most cases are related to the materials of the Tes period, obtained during the excavations. These objects constitute an integral and peculiar object complex having distinctive features from the Tagar period. In its formation, the influence of Xiongnu and Xianbei cultural traditions was of great importance. Conducting analogies between the objects found in closed archaeological complexes, and drawings on rocks and burial stones allows one to attribute them to the specific time. These include images of boilers; peculiar animals with disturbed body proportions and quite realistic rams with their legs tucked under the belly; complex bows; opposing animals (deer, unicorns, bears); geometric figures, etc. As a result of the analysis, four stylistic groups of images of the Tes period were identified, the creation of which is most likely associated with different groups of the population that lived at that time on the Middle Yenisei. The pictorial material allows us to trace the transformation of the Tagar style, to identify groups of drawings created under the influence of the foreign population, and together with the monuments of material culture makes it possible to trace the changes not only in everyday life, but also in the worldview of the population that lived at the junction of two key eras.

*Key words:* Minusinsk Basin, archaeological material, Tes time, petroglyphs, Xiongnu, Xianbei.